

Е. В. Камараули

Воронежский государственный университет, Воронеж; Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина, Елец, Россия. kamarauli@bk.ru
ORCID 0009-0007-4432-1323

ВЕРСТАНИЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КАК ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI в. (НА ПРИМЕРЕ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА)

Статья исследует практики конструирования социального порядка на южной окраине России. В процессе превращения «Дикого поля» в государственную территорию власть использовала институциональные процедуры верстания и землеустройства для инкорпорации местных сообществ в структуру служилого сословия. Социальный порядок воспроизводился вначале «на бумаге»: верстание создавало корпорацию как формальный список, а землеустройство очерчивало контуры поместного землевладения. Автор изучает механизмы административного освоения пространства уезда, переводившие реальную территорию в категории приказного делопроизводства. Институциональные процедуры реализовывались во взаимодействии власти и общества. Они создавали основу для самоорганизации землевладельцев, вырабатывавших правила сосуществования на общей территории. Выводы, полученные при анализе комплекса документов 1592–1594 гг., проверяются и развиваются на материале источников первой четверти XVII в. (десятины, платежные книги), что позволяет проследить последствия административных решений конца XVI в.

Ключевые слова: верстание, землеустройство, социальный порядок, служилые люди, Юг России, XVI век, Елец

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Инкорпорация разнообразных служилых групп в устоявшийся общественный уклад средневековой России была методом государственного строительства [Бенцианов; Веселовский, с. 314–326; Флоря 2023]. К концу XVI в. сокращение свободного земельного фонда затрудняло внедрение новых военизированных отрядов в уездах старинного освоения. Поместье здесь росло преимущественно за счет черных и дворцовых земель [Кобрин, с. 107, 134; Михайлова]. Представляется перспективным изучение схожих процессов на пограничных территориях Юга, где на рубеже XVI–XVII вв. активно формировались новые социумы [Глазьев; Мизис, Напольникова; Папков, Петрухинцев, Хитров; Южный и юго-восточный фронтир].

Южнорусский регион «Дикого поля» был территорией свободы, укрытием для определенной части русского общества [Загоровский; Малов, Никитин; Мининков; Тихомиров]. В конце XVI в. государство приступило к внедрению на этих землях того социального порядка, что сложился в центре страны [Флоря 2021]. Традиционная модель служилого «города» начала адаптироваться и изменяться под влиянием местных условий [Зенченко; Петрухинцев].

Важно подчеркнуть, что такие институциональные процедуры средневековой России, как верстание и наделение поместьем, встраивались в уже начавшийся процесс самоорганизации южного военизированного населения. Государство структурировало это сообщество, наделая его членов различающимися земельными правами. Конкретные административные практики, закреплявшие на Юге страны сословную организацию, остаются слабо изученными. Эта лакуна объясняется тем, что фокус исследований был направлен на изучение военных функций служилых корпораций [Козляков 2000; Козляков 2019; Лобин; Петрухинцев; Чернов].

Настоящая работа представляет собой попытку реконструировать процесс установления социального порядка на южной окраине в конце XVI в., когда начался процесс превращения «Дикого поля» в государственную территорию России.

Автор детально анализирует, как сложившиеся в центральных областях государства административные практики применялись и адаптировались на южном пограничье. В фокусе внимания исследования находятся процедуры верстания и наделения поместными «дачами», а также трудности, с которыми сталкивались должностные лица при их проведении. Поставлена задача изучить землеустройство как этап административного освоения территории. Показать, как происходило преобразование реального ландшафта (уручищ) в категории приказного делопроизводства, понятные государству. Установить точки рабочего взаимодействия местных администраторов и елецких служилых людей, раскрыв через них «диалог» государства и общества.

Основу исследования составили материалы по Елецкому уезду как региону, наиболее обеспеченному источниками по изучаемому периоду. Комплекс елецких материалов 1592–1594 гг. [Российская крепость] позволяет изучать интеграцию южного порубежья в государственную территорию России. Данный источник рассматривался в историографии в контексте истории заселения, хозяйственного освоения и установления крепостнических порядков [Аракчеев; Корецкий; Ракитин]. Для нас важно, что елецкие документы дают ключ к пониманию конкретных административных действий, «выращивавших» сословную структуру в пространстве подвижной границы Юга.

В Ельце государство избрало особую линию социальной политики. В конце XVI в. здесь было единовременно создано служилое сообщество из двух обособленных частей: городских и уездных людей. Это отличается от ситуации в других регионах южного пограничья. Например, в Воронеже контингент приборных чинов сложился к 90-м гг. XVI в. [Камараули 2025, с. 63], при этом наделение поместьями уездных людей описывается источниками начиная с 1612/1613 г. [Глазьев, с. 43].

Прибор и землеустройство городских чинов на Юге в основном опережали верстания и испомещения уездных землевладельцев. Поскольку формирование «приборной» части елецкого гарнизона уже стало предметом отдельного исследования [Камараули 2024], в настоящей работе мы уделим основное внимание елецким служилым людям «по отечеству».

Рассмотрим имеющиеся исторические источники. Анализ основывался на документах приказного делопроизводства, связанных с верстанием и землеустройством елецких людей. Например, были привлечены воеводские отписки о ходе верстания в 1592–1593 гг., указная грамота о наделении поверстанных земель [Российская крепость, № 44, с. 65; № 75, с. 93; № 43, с. 64].

Была датирована отписка И. Н. Мясного, «товарища» воеводы, включавшая отчет о проведении на Ельце осмотра наличных ратных людей. Данный документ содержал поименный список детей боярских, явившихся на службу или уклонившихся от нее [Российская крепость, № 7, с. 26–29]. Отчет дает ключ к пониманию реального, а не списочного контингента ратных людей.

Указанная отписка датируется зимой 1592/1593 г., временем вскоре после смотра, произведенного И. Н. Мясным, по нашему предположению, в декабре 1592 или январе 1593 г. Основной воевода князь Д. А. Звенигородский отбыл из Ельца 8 декабря 1592 г., передав город своему «товарищу». И. Н. Мясной должен был как можно скорее пересмотреть гарнизон для составления росписи, как того требовал регламент принятия крепости, характерный для воеводского управления [Камараули 2009].

«Отдельная книга земель елецким служилым людям» 1592–1594 гг. (далее – «Отдельная книга») сделала возможным изучение административных практик, связанных с отведением поместной «дачи» [Российская крепость, № 168, с. 192–208].

Для верификации гипотез и понимания, как развивались процессы, запущенные в конце XVI в., в иной государственной реальности, были привлечены документы позднейшего периода по Ельцу. В частности, десятина верстания и денежной раздачи 1604/1605 г., список ратных людей 1615–1618 гг., платежные книги с дозоров 1614/1615 и 1619/1620 гг., разборная десятина 1621/1622 г. [Елецкий уезд].

Социальный порядок на опасном пограничье Юга формировался вокруг военизированного сообщества, где дети боярские составляли ключевую группу. Верстание было необходимым этапом определения их статуса в корпорации.

Государство распорядилось принять на службу в Елец 200 детей боярских [Российская крепость, с. 11, № 44, с. 65]. Служилые люди верстались окладами по 100, 150 и 200 четвертей. В Елец набирали родственников помещиков из Епифани, Ливен, Переяславля-Рязанского и Тулы [Елецкий уезд, с. 10–11]. Позволительно думать, что разбор и верстание претендентов территориально происходили не только в Ельце, но и в соседних городах. Воеводы и их помощники принимали людей на службу небольшими группами.

Процесс верстания складывался нелинейно и хаотично. Выявление персоналий в документах 1592–1594 гг. и произведенные подсчеты позволили установить, что в разные периоды времени на службу в Елец было принято свыше 270 человек. Точный подсчет затруднен имеющимися в источнике лакунами: пропусками букв или строчек.

Первый этап верстания был завершен к концу лета 1592 г. Воеводы рапортовали 19 августа о записи в елецкую корпорацию 164 человек [Российская крепость, № 44, с. 65]. Зимний смотр 1592/1593 г. выявил картину массового «нетства». Только 38 человек появились к разбору, 116 оказались в «нетях» [Российская крепость, № 7, с. 26–29]. Логично предположить, что жители соседних городов, поверстанные в новую корпорацию, не поехали на строительство крепости Елец. Превратившись «на бумаге» в елецких детей боярских, в реальности они остались на местах прежнего проживания.

Прием людей на службу происходил на фоне административных трений, достигших кульминации к ноябрю 1592 г. Полномочия воевод были разделены. Основной воевода князь А. Д. Звенигородский отныне заведовал иногородними служилыми людьми, прибывшими строить Елец: рязанскими и тульскими дворянами, данковскими и «иных городов» казаками, стрельцами и артиллеристами [Российская крепость, № 128, с. 149–151]. И. Н. Мясной получил в распоряжение елецких детей боярских и приборных казаков [Российская крепость, № 133, с. 154–156].

Прямые сведения о верстаниях после августа 1592 г. крайне скупы. Известно, что в феврале 1593 г. был набран отряд из 15 человек [Российская крепость, № 75, с. 93]. Данные «Отдельной книги» 1592–1594 гг. о землевладельцах свидетельствуют, что было набрано еще около сотни человек. Это поместные землевладельцы, которые не упоминаются в сохранившихся воеводских отписках 1592–1593 гг.

Царская грамота 31 августа 1592 г. положила начало крупной землеустроительной операции. По выражению источника, И. Н. Мясной «роздал... в поместья усадище и дикое поле» [Российская крепость, № 168, с. 195]. Очевидно, отведение земли началось осенью 1592 г. и продолжалось до назначения И. Н. Мясного воеводой в Мценск в 1595 г. [Разрядная книга, с. 488].

Структура «Отдельной книги» 1592–1594 гг., главного источника по первичному землеустройству в Ельце, включает две части: начальную и основную. Начальная часть представляет собой список из 85 детей боярских. Речь идет о лицах, подлежащих наделению землей. Этот перечень потенциальных помещиков содержит лакуны и выглядит как рабочий план, подвергшийся корректировкам в ходе землеустройства. В основной части создатель «Отдельной книги» поместил информацию о наделении землей конкретных служилых людей и описал топониимику отводимых урочищ. Две части источника называют в совокупности около 196 персоналий.

Преамбула источника в виде списка персоналий перекликается с позднейшей традицией делопроизводства, когда в начале писцовых книг помещалась роспись уездных землевладельцев¹. Это сходство свидетельствует о преемственности административных практик конца XVI и первой трети XVII в.

Совокупные данные источников о службе и землевладении позволили сделать некоторые наблюдения о динамике землеустройства. Методика нашей работы заключалась в сопоставлении персонального состава поверстанных лиц [Российская крепость, № 7, с. 26–29; № 75, с. 93–94] с перечнем детей боярских, получивших поместную «дачу» [Российская крепость, № 168, с. 192–208]. Попутно, для проверки гипотез, привлекались сведения источников о службе и землевладении за первую четверть XVII в. [Елецкий уезд].

Начнем с интерпретации известий об испомещении лиц, приступивших к несению воинской повинности в Ельце. В эту группу мы включили 38 человек, присутствовавших на зимнем смотре 1592/1593 г. И. Н. Мясного. В терминологии источника они обозначены как «ести» [Российская крепость, № 7, с. 26]. Бóльшая их часть (31 человек) получили земельные «дачи» в течение 1592–1594 гг. Следует принимать в расчет неполноту «Отдельной книги» и тот факт, что оставшиеся семеро могли получить земельные участки после 1594 г.

Удалось, например, установить, что двое из семерых служили в Ельце в начале XVII в. Так, А. М. Толдыкин был записан в десятню 1604/1605 г. [Елецкий уезд, с. 54], С. А. Меркулов значился в списке ратных людей 1615–1618 гг. и, по данным платежниц с дозоров 1614/1615 и 1619/1620 гг., владел поместьем в д. Терновая Поляна Воргольского стана [Елецкий уезд, с. 75, 318, 397]. Остальные дети боярские из списка «естей» не найдены в документах первой четверти XVII в., что может объясняться их смертью или переводом в гарнизоны других городов. Добавим, что И. Н. Мясной отвел поместные земли почти всем лицам, поверстанным 4 февраля 1593 г. (13 человек из 15). Видимо, они также не уклонялись от службы.

Интерпретируя эти данные, предположим, что существовал значительный хронологический разрыв между верстанием и отведением земли. Верность службе не гарантировала получения поместья в приоритетном порядке. Когда И. Н. Мясной отводил урочища под усадьбу и пашни, он мог принимать во внимание и другие факторы. Например, хозяйственный потенциал сына боярского, наличие лошадей, работников, возможность быстро приступить к распашке целинных земель, или «дикого поля», согласно терминологии источников.

Перспективной для дальнейшего анализа представляется группа «нетчиков», выявленных в ходе смотра И. Н. Мясного зимой 1592/1593 г. [Российская крепость, № 7, с. 27–29]. В смотре не участвовали 116 детей боярских. Нас интересовали, в частности, те «нетчики», которые, по данным «Отдельной книги», получили поместные «дачи» в течение 1592–1594 гг. Таковых оказалось 49 человек.

¹ См., например, писцовые книги 20-х гг. XVII в. Елецкого, Ливенского и Воронежского уездов (РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. Д. 132. Л. 1–51 об.; Д. 233. Л. 2–62; Д. 76. Л. 1–20 об.).

Чтобы понять динамику землеустройства в этой группе, требовалось установить, что происходило раньше: уклонение от службы или наделение землей. По нашей догадке, «нетство» случилось раньше землеустройства. Отведение участков под поместья способствовало прибытию на службу и поселению в Ельце тех поверстанных лиц, которые были склонны к уклонению от службы.

Приведем аргументы в пользу нашего предположения. Используя сведения источников о службе и поместьях за первую четверть XVII в. [Елецкий уезд], мы смогли уточнить судьбу тех ратных людей, которые числились «нетчиками», но, тем не менее, получили поместные земли.

Бывшие «нетчики», 37 человек из интересующих нас 49 (с учетом дублирования лиц в источниках), были найдены в документах о службе: 35 человек в десятне верстания и денежной раздачи елецким детям боярским на Ливнах в 1604/1605 г. [Елецкий уезд, с. 20–42, 46, 50–54, 58, 59, 61, 71, 72]; 23 человека в списке елецких ратных людей за 1615–1618 гг. [Елецкий уезд, с. 74–76, 78, 79, 84, 86]. Еще 6 человек присутствовали на разборе воеводы С. И. Волынского в 1621/1622 г. и фигурировали в разборной десятне [Елецкий уезд, с. 207, 208, 213]. По этим шестерым сохранились данные о размерах их поместий, но без локализации в поселениях и станах.

Эти находки свидетельствуют о некоторой устойчивости служилого сообщества. Но для задач исследования было важно не только подтвердить догадку о прибытии «нетчиков» на службу в Елец, но и доказать, что инструментом их интеграции было реальное землеустройство. Поэтому особую ценность представляли для нас данные о землевладении тех детей боярских, в послужном списке которых значилось «нетство», но, тем не менее, они сохранили поместные «дачи».

Такие лица были найдены в платежных книгах по дозорам 1614/1615 и 1619/1620 гг. Мы обнаружили в них данные о поместьях служилых людей из числа «нетчиков», получивших земли в 1592–1594 гг. (21 человек из 49). Все эти лица владели землями в поселениях двух станов: Воргольского и Елецкого. В Воргольском стане это были поместья в селах Воргольское и Никольское (Рябинка), деревнях Пажень, Терновая Поляна, Рябинка. В Елецком стане: поместья в селах Богоявленское (ранее – деревня Нижний Белевец), Дмитровское (ранее – деревня Рогатая), Рождественское (ранее – деревня Прогорелая Поляна), в деревнях Хмелинец и Хорошая [Елецкий уезд, с. 241–245, 250, 252–254, 301–304, 315–318, 320–321, 324, 334, 380, 395]. Ключевым представляется тот факт, что названные поселения были основаны на территориях тех самых урочищ, которые в 1592–1594 гг. И. Н. Мясной отвел под поместные «дачи».

Признавая ценность «Отдельной книги» для изучения землеустройства, необходимо указать на ее неполноту и фрагментарность в основной части. Так, в преамбуле указано, что к отводу земли были назначены 85 человек. Однако в основной части документа отсутствуют упоминания о 19 из них. Постараемся уточнить, были ли эти лица в итоге наделены землей.

Сведения платежных книг по дозорам 1614/1615 и 1619/1620 гг. позволяют утвердительно ответить на этот вопрос, возникший при чтении «Отдельной книги». Было установлено, что 13 из 19 «пропавших» детей боярских имели земельные «дачи» на территории Елецкого и Воргольского станов [Елецкий уезд, с. 247–249, 251, 301, 302, 304–307, 317, 326, 328, 331, 383, 397]. В Воргольском стане это были поместья в селах Воргольское, Никитское (ранее – деревня Долгая Поляна), в деревнях Большая Поляна, Карташова (Крутая), Пажень, Терновая Поляна. В Елецком стане – в селах Богоявленское (ранее – деревня Нижний Белевец), Покровское (ранее – деревня Телегино или Пажинский Остров), в деревнях Верхняя Тростная, Вышний Белевец.

Опять же указанные области расселения в значительной степени совпали с районом, где в 1592–1594 гг. было положено начало служилому землевладению Елецкого уезда. Очевидно, что деятельность И. Н. Мясного в эти годы стала отправной точкой землеустройства. Логично предположить, что после отъезда И. Н. Мясного в Мценск в 1595 г. новый елецкий воевода продолжил раздачу земель в поместья, но результаты его землеустроительной деятельности отразились в ином документе.

Существует вероятность возобновления землеустроительных работ самим И. Н. Мясным. Известно, что в 1596 г. он вернулся в Елец как «товарищ» воеводы И. И. Бохтеярова. Сроки его пребывания в должности охватывали весенне-летний период, оптимальный для проведения полевых работ по отводу земель. В сентябре 1596 г. И. Н. Мясной покинул Елец, чтобы возглавить строительство крепости Оскол [Российская крепость, с. 11].

Через землеустройство средневековое государство превращалось в верховного собственника земли. Приказное делопроизводство играло в этом процессе ключевую роль. Писцы не просто записывали пашенные угодья в отдельные, отказные, дозорные и писцовые книги, но вводили их в правовое поле государства. Реальная власть воеводы распространялась на территории, охваченные описаниями.

Подьячие и писцы, используя язык приказного делопроизводства, преобразовывали природные ландшафты и урочища в «дикие поля», «дубровы» и «пашенные леса». Чтобы сохранить монополию и пресечь стихийное землепользование, государство стремилось охватить описаниями максимально большую площадь. Этому способствовала практика, когда размер земельного пожалования или «дачи» формально соответствовал установленному окладу. В Ельце, таким образом, за детьми боярскими должны были закрепляться поместья по 100, 150 и 200 четвертей.

Вот как эту ситуацию описывает источник. Составитель «Отдельной книги» формулирует, например, что «за Тимофеем за Резанцавым, да за Степанам Лужнава усадище усть Воргола, от Сосны по обе стороны Подженьскаго горадище, а х тому усадищу дикая поле на пашню обем *по полуторасти чети* (курсив мой. – Е. К.) в поле, а в дву по тому ж» [Российская крепость, № 168, с. 197]. Или «за Офонасеем за Марковым усадище под Радушкиным лесом усть Воргла, а х тому усадищу дикое поле пашню по обе стороны Воргла вниз по Ворглу на *сто чети* (курсив мой. – Е. К.) в поле, а в дву по тому ж» [Российская крепость, № 168, с. 206].

Принять подобные формулировки как доказательство, что помещики действительно получили земельные площади по 100–150 четвертей, было бы преждевременно. Скорее речь идет о праве сына боярского владеть количеством земли, равным окладу. Установление реальных размеров отводимой «дачи» затруднено в том числе особенностями «Отдельной книги» как источника.

Например, И. Н. Мясной передал И. А. Горяинову, И. И. Михайлову, К. Змееву, К. Матюнину, С. Стукалову, Д. Чалово, Е. Сапрыкину, И. Ханину, Ю. Молявину по два обособленных земельных участка, расположенных в разных урочищах [Российская крепость, № 168, с. 195, 197–199, 201–205]. Подьячий записал это отведение, переведя на язык приказных документов.

Важно понять логику подьячего. Он описывал порознь каждый такой надел, приравнивая его размер к полному окладу служилого человека. На бумаге создавалось впечатление, что у сына боярского как бы два оклада, хотя на самом деле подьячий описывал единую земельную «дачу», состоящую из двух разбросанных на местности кусков. Так в тексте «Отдельной книги» происходило искажение действительной ситуации.

Подчеркнем, что поместья, описанные в данном источнике, представляли собой «виртуальные» земли, не имевшие обозначенных на местности границ. Физические рубежи вла-

дений в виде межевых знаков описываются как единичные случаи. Например, когда возникала необходимость юридически отделить друг от друга земли города и уезда. Так, в урочище на р. Воргол И. Н. Мясной установил межевые знаки, разграничившие поместья елецких детей боярских и наделы казачьих сотников [Российская крепость, № 168, с. 203]. Земли сотников, начальников над приборными людьми, относились к землевладению города, как и «поля» самих приборных казаков.

Чтобы проследить, как варьировалось соотношение между окладом и земельной «дачей», обратимся к елецкой десятне разбора 1621/1622 г. [Елецкий уезд, с. 96–240]. В этом документе упомянуты 29 человек из 196 землевладельцев, названных в «Отдельной книге».

Изучение данных по этим лицам обнаруживает следующую динамику. Оклад и дача совпали в 9 случаях, что может подтверждать практику отведения земли в полный оклад. В 16 случаях оклад превысил «дачу». Эти данные допускают двойную интерпретацию: либо земля изначально отводилась И. Н. Мясным не в полный оклад, либо началось измеление поместий. «Дача» превысила оклад, установленный первичным верстанием, в 5 случаях. Речь о детях боярских, нарастивших оклад и поместье через «придачи», которые государь пожаловал им за особые заслуги.

Землеустройство было сложным взаимодействием. На южной окраине происходил «диалог» между военизированным социумом и государственной властью, закреплявшей свои позиции на «Диком поле». Слабость административного аппарата средневекового государства означала, что крупные проекты, такие как интеграция новых территорий, могут реализоваться в ходе совместной работы власти и общества.

И. Н. Мясной не просто наделял ратных людей усадебными местами и сельскохозяйственными угодьями. Важно понимать, что он закладывал пространство будущего уезда, где поселения понимались как линии обороны на опасном пограничье. Вследствие землеустроительных мероприятий 1592–1594 гг. образовались два заселенных района, в дальнейшем ставшие территориями Воргольского и Елецкого станов [Российская крепость, с. 17].

Перед отведением земли воеводы и головы обследовали местность, как предписывалось их должностными обязанностями [Российская крепость, с. 5]. Елецкие служилые люди также исследовали ландшафт, прилегавший к крепости. Но это обследование происходило стихийным образом во время преследования татар, в станицах и сторожах. Выполняя повседневные служебные обязанности, ратные люди примечали удобные участки, будущие займища. Результатом этой деятельности становились практические решения о распределении земельных угодий.

Проиллюстрируем это конкретными примерами. Согласно «Отдельной книге», в 1592–1594 гг. часть детей боярских получили по два земельных надела, в то время как основная масса землевладельцев была наделена лишь одним.

Во-первых, И. Н. Мясной наделил несколько служилых людей индивидуальными сенокосами: В. Милюкова, Ю. Молявина, А. Прокофьева, В. Пузатого, К. Филатова, С. Филатова, И. Фролова [Российская крепость, № 168, с. 197, 199, 203–205]. Заметим, что в источнике отсутствуют сведения о наделении остальных помещиков покосными землями. Возможно, этот точечный подход применялся к многолошадным хозяйствам, обеспечивая их достаточной кормовой базой.

Наиболее полно практика отвода сенокосных угодий зафиксирована в южнорусских дозорных и писцовых книгах 10–20-х гг. XVII в. Луговые, водные, лесные угодья составляли коллективную собственность (альменду) помещиков одного или нескольких смежных поселений. Такое совместное владение в документах фиксировалось формулой «вопче». Чтобы обеспе-

чить каждому землевладельцу нормированный доступ к этим ресурсам, писцы рассчитывали и приписывали к его пашенному наделу определенное количество условных копен сена. Владение индивидуальным сенокосом было исключением из общего правила.

Во-вторых, некоторые дети боярские получили по два участка пашенных земель: И. А. Горяинов, К. Змеев, К. Матюнин, И. И. Михайлов, Е. Сапрыкин, С. Стукалов, И. К. Ханнин, Д. К. Чалово [Российская крепость, № 168, с. 195, 198, 199, 201–204]. Поместные «дачи» этих землевладельцев состояли как бы из двух частей.

Картографирование земельных «дач», произведенное публикаторами елецких документов, позволяет увидеть, как располагались отведенные участки на местности [Российская крепость, с. 241–244]. Двухчастные «дачи» могли быть разнесены на значительное расстояние друг от друга. Таковы, например, участки целины («дикого поля») И. А. Горяинова, И. И. Михайлова, Е. Сапрыкина, К. Змеева. Напротив, по два пашенных надела К. Матюнина, С. Стукалова, Д. Чалово лежали практически смежно. В одной местности были расположены оба надела И. Ханина.

Были разбросаны по разным урочищам пашни и сенокосы Ю. Молявина, В. Милюкова, А. Прокофьева. Разумеется, пахотное поле и луг могли располагаться на разных по своим свойствам участках земли. Например, пашенный клин в пойме реки, сенокос на суходоле, или пойма отводилась под сенокос, равнины-плакоры под распашку.

Практика отведения как «смежных», так и «разбросанных» двойных «дач» была, видимо, ответом на ландшафтные ограничения. Она возникала в ситуациях, когда в пределах одного урочища не находилось достаточного количества земли для отведения полноценного участка под поместье. Логично предположить, что елецкие люди могли самостоятельно подыскивать дополнительные участки, чтобы получить достаточную земельную «дачу». Воевода в таких случаях отводил надел, уже присмотренный под заимку сыном боярским.

Сам поиск мог идти несколькими путями, по-разному формируя географию поместных владений. Одни служилые люди находили недостающие угодья поблизости, добирали «дачу» в соседнем урочище. Другие дети боярские вынуждены были искать в отдалении, получая более сложные, рискованные поместья на периферии.

Отведение «двойных дач», особенно в урочищах, далеко отстоявших друг от друга, очевидно, легло в основу сложно переплетенного многожеребьевого землевладения, известного по южным писцовым книгам первой трети XVII в. Помещики владели несколькими «жеребьями» в поселениях разных станов, что могло быть страховкой от неурожая или потери хлеба в ходе татарского набега.

На схематической карте елецкой округи [Российская крепость, с. 241] хорошо заметны скопления поместных «дач», ставшие центрами притяжения для поселенцев и позже выросшие в крупные села. И. Н. Мясной в 1592–1594 гг. сформировал не только сеть этих ядер расселения. Одновременно создавались и периферийные, слабее населенные зоны. Это были скорее потенциальные починки, далеко отстоявшие от основных центров заселения.

Важно подчеркнуть, что происходило административное описание не только территорий, назначенных властью к заселению, но и случайных урочищ, выбранных елецкими людьми для хозяйствования. Сочетание государственных и частных инициатив создавало пространство будущего уезда.

Подведем итоги. Местные администраторы, применяя на южных окраинах сложившиеся в средневековой России институциональные процедуры, первоначально конструировали социальный порядок «на бумаге». Верстание, наделая людей сословным статусом, создавало

елецкую корпорацию как формальный список детей боярских. Этот юридический акт сам по себе не порождал территориально сплоченного сообщества.

Землеустройство начала 90-х гг. XVI в., логично следуя за верстанием, создавало ареал поместного землевладения как физическое пространство для взаимодействия служилых людей. На этом этапе отвод земельных «дач» в елецких урочищах устанавливал контроль не над реальной территорией, а над воображаемой административной проекцией уезда, лишенной материальных границ.

Урочища де-юре превращались в поместные земли, переходя под юрисдикцию государства. Но, наделив служилых людей «по отчеству» земельными правами и установив правовой статус их владений, власть не приступала к регулированию реального землепользования: не проводила межевания, не распределяла угодья и не устанавливала порядка их хозяйственного использования. Именно этот пробел, отсутствие готовых правил, превращал землеустройство в фундамент для социального взаимодействия и самоорганизации. Землевладельцы, объединенные территориально, самостоятельно вырабатывали рабочие правила сосуществования через соседские связи, договоренности и конфликты.

Источники

- Елецкий уезд в начале XVII века: Елецкие десятины и платежные книги. М., 2011. 516 с.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. 617 с.
Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001. 274 с.

Литература

- Аракчеев В. А. Закрепостительные мероприятия в Русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 81. С. 60–66.
Бенцианов М. М. Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021. 253 с.
Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1: Частное землевладение. Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. 496 с.
Глазьев В. Н. История Воронежского края в конце XVI – начале XVIII века: люди и власть. Воронеж, 2024. 283 с.
Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. 304 с.
Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. 221, [2] с.
Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009. 302 с.
Камараули Е. В. Социальные трансформации в городах на южнорусском «Поле» (конец XVI – начало XVII века) // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 3. С. 771–790. DOI 10.15826/qr.2024.3.907
Камараули Е. В. Город и уезд на Юге России в конце XVI – начале XVII века: формирование служилого землевладения городских приборных чинов Воронежа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 1 (99). С. 60–78. DOI 10.25986/IRI.2025.99.1.005
Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 278 с.
Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. 208 с.
Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2019. 544 с.
Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. 389 с.
Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 45–78.

- Малов А. В., Никитин Н. И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследования, справочные материалы, источники. М., 2023. 758 с.
- Мизис Ю. А., Напольникова П. К. На южных рубежах Московского государства. Тамбов, 2022. Кн. 1: История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). 231 [3] с.
- Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. 510 с.
- Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XVI – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. 639 с.
- Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск, 2020. 264 с.
- Петрухинцев Н. Н. Проблема восстановления системы обороны южных городов после Смуты // История: факты и символы. 2025. № 3 (44). С. 81–99. DOI 10.24888/2410-4205-2025-44-3-81-99
- Ракутин А. С. Казаки Данкова на государственной службе во второй половине XVI – XVII вв. Воронеж, 2018. 168 с.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 583 с., 3 л. карт.
- Флоря Б. Н. Лекции по русской истории. М., 2021. 544 с.
- Флоря Б. Н. Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н. В. Козловой. М., 2023. (Труды исторического факультета МГУ; Т. 235. Сер. II: Исторические исследования). С. 297–366.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.: с образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954. 224 с.
- Южный и юго-восточный фронт России в XVI–XVIII веках: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2024. 864 с.

References

- Arakcheev, V. A. Zakrepostitel'nye meropriyatiya v Russkom gosudarstve v nachale 1590-kh gg. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2008. No. 81. Pp. 60–66. (In Russ.)
- Bentsianov, M. M. Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva. Formirovanie, status, integratsiya. XV–XVI vv. Moscow, 2021. 253 p. (In Russ.)
- Chernov, A. V. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.: s obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
- Florya, B. N. Lektsii po russkoi istorii. Moscow, 2021. 544 p. (In Russ.)
- Florya, B. N. Sluzhebnyaya organizatsiya i ee traditsii v istoricheskom razvitii Rossii. In *Goroda i lyudi staroi Rossii. K yubileyu professora N. V. Kozlovoi*. Moscow, 2023. (Trudy istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta; Vol. 235. Series II: Istoricheskie issledovaniya). Pp. 297–366. (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Istoriya Voronezhskogo kraia v kontse XVI – nachale XVIII veka: lyudi i vlast'. Voronezh, 2024. 283 p. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Yuzhnorusskaya prikaznaya izba kak uchrezhdenie mestnogo upravleniya vo vtoroi polovine XVII veka. Voronezh, 2009. 302 p. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Sotsial'nye transformatsii v gorodakh na yuzhnorusskom "Pole" (konets XVI – nachalo XVII veka). In *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12. No. 3. Pp. 771–790. DOI 10.15826/qr.2024.3.907 (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Gorod i uезд na Yuge Rossii v kontse XVI – nachale XVII veka: formirovanie sluzhilogo zemlevladieniya gorodskikh pribornykh chinov Voronezha. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2025. No. 1 (99). Pp. 60–78. DOI 10.25986/IRI.2025.99.1.005 (In Russ.)
- Kobrin, V. B. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.). Moscow, 1985. 278 p. (In Russ.)
- Koretskii, V. I. Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya voyna v Rossii. Moscow, 1975. 389 p. (In Russ.)
- Kozlyakov, V. N. Sluzhilyi "gorod" Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo ulozheniya). Yaroslavl, 2000. 208 p. (In Russ.)
- Kozlyakov, V. N. Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov. Moscow, 2019. 544 p. (In Russ.)

- Lobin, A. N. K voprosu o chislennosti vooruzhennykh sil Rossiiskogo gosudarstva v XVI v. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. No. 1–2. Pp. 45–78. (In Russ.)
- Malov, A. V., Nikitin, N. I. Rossiiskoe kazachestvo na zare svoei istorii (XV–XVII veka): issledovaniya, spravochnye materialy, istochniki. Moscow, 2023. 758 p. (In Russ.)
- Mikhailova, I. B. Sluzhilye lyudi Severo-Vostochnoi Rusi v XVI – pervoi polovine XVI veka. Ocherki sotsial'noi istorii. Saint Petersburg, 2003. 639 p. (In Russ.)
- Mininkov, N. A. Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego Srednevekov'ya (do 1671 g.). Rostov-na-Donu, 1998. 510 p. (In Russ.)
- Mizis, Yu. A., Napol'nikova, P. K. Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva. Tambov, 2022. Book 1: Istoriya zaseleniya i osvoeniya Tambovskogo i Kozlovskogo uездov XVI–XVII vv. (do 1635 g.). 231 [3] p. (In Russ.)
- Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. N., Khitrov, D. A. Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi. Rybinsk, 2020. 264 p. (In Russ.)
- Petrukhintsev, N. N. Problema vosstanovleniya sistemy oborony yuzhnykh gorodov posle Smuty. In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2025. No. 3 (44). Pp. 81–99. DOI 10.24888/2410-4205-2025-44-3-81-99 (In Russ.)
- Rakitin, A. S. Kazaki Dankova na gosudarevoi sluzhbe vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. Voronezh, 2018. 168 p. (In Russ.)
- Tikhomirov, M. N. Rossiya v XVI stoletii. Moscow, 1962. 583 p., 3 l. of maps. (In Russ.)
- Veselovskii, S. B. Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 1. Part 1: Chastnoe zemlevladienie. Part 2: Zemlevladienie mitropolich'ego doma. 496 p. (In Russ.)
- Yuzhnyi i yugo-vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh: ocherki istorii. Rostov-na-Donu, 2024. 864 p. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Belgorodskaya cherta. Voronezh, 1969. 304 p. (In Russ.)
- Zenchenko, M. Yu. Yuzhnoe rossiiskoe porubezh'e v kontse XVI – nachale XVII v. (opyt gosudarstvennogo stroitel'stva). Moscow, 2008. 221, [2] p. (In Russ.)

Elena V. Kamarauli

Voronezh State University, Voronezh; I. A. Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

VERSTANIJE (SERVICE ENROLLMENT) AND LAND SURVEY
AS PRACTICES OF CONSTRUCTING SOCIAL ORDER ON RUSSIA'S SOUTHERN FRONTIER
(THE YELETS UEZD, LATE 16th CENTURY)

The article examines the practices of constructing social order on the southern periphery of Russia. In the process of transforming the “Wild Field” into state territory, the authorities employed the institutional procedures of service registration (*verstanie*) and land surveying to incorporate local communities into the structure of the service class. Social order was initially reproduced “on paper”: service registration created the corporation as a formal list, while land surveying delineated the contours of pomestie landholding. The author studies the mechanisms of the administrative appropriation of uezd space, which translated real territory into the categories of prikaz documentation. These institutional procedures were implemented through the interaction between the state and the society. They created a foundation for the self-organization of landowners, who elaborated rules for coexistence on a shared territory. The conclusions drawn from the analysis of a set of documents from 1592–1594 are tested and further developed based on the sources from the first quarter of the 17th century (*desyatni*, payment books), making it possible to trace the consequences of the administrative decisions of the late 16th century.

Keywords: service enrollmen (*verstanije*), land survey, social order, service people (*sluzhilye lyudi*), Southern Russia, 16th century, Yelets